

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.81.43.035

Цифровые права как элементы правового статуса личности

Минаева Анастасия Игоревна

Аспирант кафедры теории государства и права,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: aw.minaeva@gmail.com

Аннотация

Предмет рассмотрения настоящей статьи — влияние процесса цифровизации на такую правовую категорию, как правовой статус личности. Автор исследует подходы к понятию «цифровые права» в нормах действующего российского законодательства, а также в современной правовой науке, анализирует нормы права, как частных, так и публичных отраслей права, порождающих постановку вопроса о цифровых правах личности и возможных рисках, связанных с их реализацией, дает авторское определение понятия «цифровые права». В работе показано, что цифровизации подвергаются и права участников гражданского, уголовного процессов: появилась возможность участия в судебных процессах дистанционно (в данном ключе возможно, например, нарушение принципа состязательности судебного процесса из-за невозможности доступа к самому процессу или подачи процессуальных документов в электронной форме по причине технических неполадок).

Для цитирования в научных исследованиях

Минаева А.И. (2021) Цифровые права как элементы правового статуса личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 3А. С. 69-77. DOI: 10.34670/AR.2021.81.43.035

Ключевые понятия

Цифровизация, цифровые права, правовой статус личности, права человека, цифровые технологии, субъекты права.

Введение

В современном мире активно развиваются и распространяются цифровые технологии, которые стали основой для развития всех сфер жизни общества, создав, по сути, совершенно новый уклад жизни общества. По этой причине в современной науке так много внимания уделяется роли цифровых технологий, перспективам их развития, особенностям их проникновения во всю структуру общественной жизни. В условиях фактически тотальной цифровизации подверглись трансформации и система права, и сама юридическая наука. Современные ученые фиксируют существенные изменения в сложившихся подходах к определению природы ключевых правовых категорий, явлений и процессов. Так, безусловно, цифровизация затронула и правовой статус личности.

Основное содержание

Правовой статус личности является одной из основополагающих правовых категорий. В правовой науке существуют различные подходы к определению понятия правового статуса личности, а также его структурных элементов. Однако анализ этих подходов позволяет сделать вывод, что категорию правового статуса личности составляют такие элементы, как права, свободы, законные интересы и обязанности.

На современном этапе у человека появились так называемые цифровые права, принципиально отличающиеся от прав, существовавших в доцифровую эпоху. В этой связи современной юридической науке предстоит определить изменения правового статуса субъектов правовых отношений, в частности, объем их субъективных прав. Научные исследования в данной области отмечают, что под воздействием цифровой трансформации формируется во многом иллюзорное представление о расширении возможностей современного человека, при этом цифровые технологии являются одновременно и средством ограничения прав человека.

В настоящее время меняется понятийный аппарат права, в результате чего в праве появляются понятия из технической сферы, нуждающиеся в четком определении.

В правовой науке существует некоторая терминологическая неопределенность в отношении новых прав личности в цифровом пространстве: используются понятия информационных, виртуальных, цифровых прав, интернет-прав. При этом понятие информационных прав, исходя из названия, сводится к правам субъекта на получение, распространение, обработку, использование информации. Например, термин «виртуальный» толковый словарь определяет как «несуществующий, но возможный». Если руководствоваться данной трактовкой, виртуальные права признаются несуществующими, а, значит, можно поставить под сомнение их наличие у субъектов права, необходимость их правового регулирования, их правовой защиты, что, в свою очередь, явно не способствует определенности правовых отношений в цифровой среде. Поэтому, следуя терминологической логике законодателя, можно говорить именно о понятии «цифровые права». Возникла явная необходимость пересмотреть и должным образом сформулировать определения новых понятий в цифровых реалиях.

При этом в правовой науке возникает дискуссия: признавать цифровые права самостоятельными новыми правами (новым поколением прав) или взять за основу позицию, согласно которой цифровые права представляют собой традиционные права, существующие в новой форме и не требующие особого специального регулирования и рассмотрения. При втором подходе происходит, по сути, экстраполяция понимания традиционных прав личности на права

в цифровой среде: все существующие в доцифровую эпоху права не поменяли своего значения и просто приобрели новую форму. Однако всё-таки представляется необходимым говорить об особой природе цифровых прав, а, следовательно, и необходимости их отдельного регулирования, особой фиксации. В этой связи, в частности, в сфере конституционного права предлагаются как достаточно радикальные идеи о необходимости изменения действующей Конституции Российской Федерации или создания отдельного общего нормативного акта о цифровых правах, так и более мягкие рекомендации, сводящиеся к тому, что такие радикальные изменения требуют очень серьезного взвешенного обоснования.

Таким образом, одним из вызовов правовой науки в условиях цифровизации является определение такого понятия цифровых прав, которое являлось бы более широким, чем то, которое сейчас закреплено в гражданском законодательстве.

Так, Н. М. Коркунов определял субъективное право как возможность осуществления интереса, обусловленную соответствующей юридической обязанностью, выделяя при этом внешнюю сторону субъективного права (право-притязание субъекта права на исполнение обязанности со стороны обязанного субъекта) и внутреннюю сторону (право-пользование как возможность осуществления своего интереса). При этом Н. М. Коркунов отмечал, что действительными субъектами разграничиваемых правом интересов являются только люди [Грачева, Черемисинова, 2018]. Следовательно, в контексте определения субъективного права возникают категории интереса и потребности, неотделимые от самого субъекта права.

Как отмечается в науке, субъективное право — это возможность, позволяющая субъекту пользоваться благом в границах, строго установленных законом [Малько, 1998].

Чтобы определить сущность субъективного права (и в том числе цифрового права) личности, можно руководствоваться в данном случае тем, что сущность любого явления представляет собой способность служить средством удовлетворения потребностей (интересов) личности. Таким образом, субъективное право личности можно рассматривать как право на удовлетворение определенных потребностей. Если к пониманию цифровых прав субъекта применяется потребностный подход, необходимо определить, чьи именно потребности существуют в цифровом пространстве, круг таких потребностей, а также определить, способно ли право выступить средством их удовлетворения.

Необходимо констатировать, что в цифровом пространстве у личности появились новые потребности (например, в получении, использовании, распространении информации в социальных сетях и в интернет-пространстве в целом, в определении по своему усмотрению судьбы собственных интернет-профилей, «личных кабинетов» и так далее). При этом можно предположить, что право способно удовлетворять такие потребности личности посредством установления цифровых прав личности, а также создания правовых механизмов их обеспечения.

В этой связи под цифровыми правами личности можно понимать меру возможного поведения личности, возникающую в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий, установленную системой общеобязательных, формально определенных, гарантированных государством правовых норм, позволяющую личности удовлетворять свои потребности с помощью правовых и цифровых средств.

Цифровое право, как субъективное право личности, включает в себя право на активные действия, право требования от других субъектов совершения определенных действий или воздержания от них, право на защиту своего нарушенного права, реализуемые в цифровой среде. При этом необходимо учитывать, что спецификой таких прав является их связанность с использованием цифровых данных (массива цифр, описывающего свойства объектов реального

мира), а также цифровых технологий (основанной на методах кодировки и передачи информации особой системе, позволяющей выполнять множество различных задач в максимально короткие сроки), реализация цифровых прав связана напрямую с уровнем развития цифровых технологий, а также с определенной степенью ограниченности государственного регулирования правоотношений, складывающейся в цифровой среде. В рамках правового регулирования отношений в цифровой среде представляется возможным использование технико-юридических норм, то есть норм, позволяющих как раз учесть технологические особенности цифрового пространства, поскольку в таких нормах диспозиция содержит саму техническую норму, а санкция — юридическую норму.

При этом, поскольку субъективное право личности связано с наличием у нее определенных потребностей, интересов, воли на их удовлетворение и реализацию, конструкция цифровых прав, по сути, предполагает, что субъективным правом наделяется именно личность, а не различные ее виртуальные формы (в виде «аватаров», профилей в социальных сетях и так далее).

Необходимость доктринального определения сущности «цифровых прав» вызвана появлением таких прав в различных отраслях права, в том числе, возникновением их в нормах гражданского законодательства. С точки зрения развития цифровизации, отрасль гражданского права можно считать своеобразным флагманом, поскольку конструкция цифровых прав уже получила свое признание и развитие в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации, определивших цифровые права, как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. К признакам цифровых прав в гражданском праве относят наличие специального цифрового кода, шифрующего соответствующий объект гражданского права и существующего исключительно в конкретной цифровой среде, составление цифрового кода в соответствии с определенным арифметическим алгоритмом без участия третьей стороны. Субъектом такого цифрового права является обладатель цифрового кода, при помощи которого он может совершать различные сделки.

Таким образом, в контексте гражданских правоотношений цифровое право субъекта — это субъективное право совершать определенные (цифровые) действия, прежде всего, совершать цифровые сделки в информационной системе (законодателем уже признано, например, право на заключение договоров розничной купли-продажи в электронной форме, право на открытие банковских счетов на условиях использования электронного средства платежа, право на заключение договора страхования путем составления электронного документа, право на участие в лотерее с оформлением электронного лотерейного билета и так далее).

Цифровое право в таком случае относится к категории личных (гражданских) прав личности, являющихся правами на активные действия. При этом сами такие действия в целом сводятся к выражению согласия (воли) пользователя системы на совершение цифровой сделки с помощью технических средств. В настоящее время выражение такой воли происходит путем отправки специальных сигналов с помощью смартфонов или компьютеров (например, кликом по кнопке «согласен» на веб-странице). Безусловно, с одной стороны, подобные юридические возможности во многом упрощают порядок совершения сделок, но, с другой стороны, порождают риски нарушения прав пользователей информационных систем, возможных злоупотреблений со стороны операторов информационных систем.

Всё же можно проследить определенную осторожность законодателя в отдельных аспектах регулирования цифровых прав. Например, в действующем гражданском законодательстве

существует прямой категоричный запрет на составление завещания с использованием электронных средств. Несмотря на закрепление конструкции цифровых прав, остаются нерешенными многие вопросы: например, в связи с повсеместным распространением социальных сетей, а, значит, и появлением права на создание аккаунта в социальной сети, существованием различных «личных кабинетов» можно поставить вопрос о необходимости регулирования порядка наследования интернет-аккаунтов и таких личных кабинетов в целях предоставления возможности составителю завещания сделать распоряжения на предмет совершения определенных действий наследниками в отношении такого аккаунта (например, право наследника удалить аккаунт умершего человека, опубликовать какой-либо «пост» или наоборот запретить наследникам производить какие-либо действия с данным аккаунтом). В действующем законодательстве этот вопрос никак не решен, на практике это регулируется самостоятельно самими социальными сетями (например, «Instagram», «ВКонтакте», «Facebook») и такими системами, как «Яндекс» или «Google». Умолчание законодателя в данном случае может порождать достаточно много рисков для личности: от имени умершего человека в его аккаунтах могут производиться действия, порочащие его честь и достоинство, возможно также совершение мошеннических деяний.

Представляется, что личное право выражения своей воли в полном объеме в отношении таких специфических объектов, как личная страница, личный кабинет в интернет-пространстве, должно быть предоставлено личности и защищено на законодательном уровне.

Следовательно, в настоящий момент легальное определение понятия «цифровые права» содержится только в актах гражданского законодательства. Однако объективная на данный момент тенденция цифровизации затрагивает не только гражданско-правовые отношения.

Так, в 2019 году депутатами Государственной Думы был инициирован законопроект, направленный на цифровизацию трудовых отношений, а именно: ими было предложено разрешить заключать трудовые договоры в электронной форме, а также передавать юридически значимые сообщения с использованием электронных или иных технических средств. При этом предполагалось, что во всех случаях, когда трудовое законодательство требует письменной формы юридически значимого сообщения, для его составления и доставки будет разрешено использовать электронные или иные технические средства. В настоящий момент такие изменения в трудовое законодательство не внесены, а законопроект находится на рассмотрении, однако, если он будет принят, можно будет констатировать появление такого цифрового права работника, как право на заключение трудового договора и передачу юридически важных сообщений в электронной форме.

В трудовом законодательстве существует право работника на формирование основной информации о его трудовой деятельности и трудовом стаже в электронном виде, а также право на получение сведений о трудовой деятельности у работодателя, в Пенсионном фонде Российской Федерации или с использованием единого портала государственных или муниципальных услуг в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Кроме того, действующим законодательством работнику предоставлено право обращения в Федеральную службу по труду и занятости (Роструд) в форме электронного документа. Таким образом, в нормах действующего трудового законодательства, безусловно, прослеживается явная тенденция к цифровизации трудовых отношений и формированию цифровых прав работника, как субъекта таких правовых отношений.

В правовой науке подход к термину «цифровые права» складывается достаточно широкий.

Существенный вклад в понимание цифровых прав внесли и специалисты конституционного права. Исследуя цифровые права человека, ученые выдвигают разные определения данной категории, например, предлагается рассматривать их как права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, к сети интернет [Зорькин, 2021].

Цифровые права, кроме того, рассматриваются через призму широкого круга основных прав личности, реализующихся в цифровой среде и исследуемых с точки зрения свойств этой среды [Грачева, Черемисинова, 2018]. Также, исходя из общего анализа современных научных трудов, можно сделать вывод, что цифровые права трактуются как универсальные права человека, реализуемые в новом цифровом пространстве.

Многие существующие конституционные права личности уже порождают свои цифровые альтернативы. Так, например, существование конституционного права на жизнь порождает идею права на цифровую жизнь (право на создание цифровой личности (сущности) в виде различных профилей, личных кабинетов в социальных сетях и других интернет-порталах), что, в свою очередь, порождает весьма дискуссионный (и в каком-то смысле даже опасный) вопрос о признании цифровой сущности в качестве нового самостоятельного субъекта права.

Государство закрепляет гарантию охраны достоинства личности, однако в интернет-пространстве серьезной проблемой является так называемый «кибербуллинг» (интернет-травля), представляющий собой, по сути, намеренные оскорбления, угрозы, распространение информации, компрометирующей человека. Защита чести и достоинства в сети интернет представляется крайне затруднительной, поскольку пользователи интернета публикуют оскорбительные сообщения зачастую анонимно, при этом их широкое распространение происходит в колоссально быстрые сроки. В связи с этим в законодательство были внесены положения, согласно которым владелец социальной сети обязан осуществлять мониторинг данной социальной сети в целях выявления информации, выраженной в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство, и в случае обнаружения такой информации владелец социальной сети обязан незамедлительно принять меры по ограничению доступа к ней. Следовательно, появилось право требования пользователя социальной сети ограничить доступ к такой информации.

Ряд политических прав граждан также уже переносится в цифровое пространство. Например, право граждан встречаться мирно, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования не урегулировано с точки зрения собраний граждан на многочисленных интернет-площадках (например, в рамках такой социальной сети, как «Clubhouse», где возможна организация различных бесед, конференций), контролировать которые представляется крайне сложным; право избирать реализуется посредством новой электронной демократии (например, электронное голосование на всех уровнях выборов, а также на референдумах через интернет-порталы mos.ru или gosuslugi.ru), право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления в электронной форме и так далее. Кроме того, в настоящий момент названы сроки внедрения электронных паспортов граждан Российской Федерации, в городе Москва электронный паспорт можно будет получить с 1 декабря 2021 года, а по всей стране его оформление начнется не позднее 1 июля 2023 года. Как сообщается, электронный паспорт будет представлять собой пластиковую смарт-карту (формата банковской карты) с фотографией и иными персональными данными, позволяющими идентифицировать гражданина. Также станет возможным использование мобильного

приложения, которое будет выполнять функции паспорта. Таким образом, уже в ближайшее время появится цифровой паспорт гражданина.

Игнорирование таких изменений может приводить к нарушению прав личности, к сложностям (в первую очередь, техническим) их реализации. Отсутствие их регулирования остро ставит вопрос относительно юридической ответственности за нарушения прав личности. В правовой науке отмечается, что полноценное правовое обеспечение конституционных прав и свобод личности в новой цифровой реальности, безусловно, требует постоянной работы, как в правовом регулировании, так и в целом в правовой науке.

В связи с этим учеными-правоведами предлагаются даже новые термины, обозначающие различные злоупотребления правами граждан: киберсквоттинг (регистрация доменных имен с использованием обозначений, которые, по предположениям регистрирующих их лиц, в будущем могут понадобиться кому-либо настолько, что будут выкуплены у них по цене, в несколько раз превышающей расходы на регистрацию доменного имени), обратный киберсквоттинг (отбор права на широко известное доменное имя посредством регистрации соответствующего ему товарного знака), организация DDoS-атак (атака на вычислительную систему с целью довести её до отказа, то есть, создание таких условий, при которых пользователи системы не могут получить доступ к ресурсам системы) и участие в них, распространение незапрашиваемой информации, троллинг (проявление различных форм агрессивного и оскорбительного поведения, нарушающих этику сетевого взаимодействия)» [Середа, Середа, 2013].

В сфере публичного права не только конституционное право находится под влиянием цифровизации. В уголовном законодательстве появились положения, связанные с защитой личности от посягательств на ее права в цифровом пространстве, в том числе было закреплено право на защиту личности от краж, совершенных в отношении электронных денежных средств, от мошенничества с использованием электронных средств платежа. А совершение преступления с использованием информационно-коммуникационных сетей, включая сеть интернет, для некоторых составов уголовных преступлений стало рассматриваться в уголовном законодательстве в качестве отягчающего обстоятельства (например, ч. 2 ст. 128.1 УК РФ «Клевета»). В законодательстве об административных нарушениях было закреплено положение об административной ответственности за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети интернет, информации, выраженной в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство. Таким образом, в правовом статусе личности появилось право на защиту нарушенного в цифровом пространстве права (право-притязание).

В науке отмечается, что создание нормативных правовых актов, регулирующих вопросы цифровизации различных сфер жизни общества, должно сопровождаться оценкой возможных рисков с целью быстрого создания и изменения уголовно-правовых норм, охраняющих соответствующие общественные отношения и права личности [Грачева, Коробеев, Маликов, Чучаев, 2019]. Цифровые права требуют не только регламентации сами по себе, но и регулирования права на их защиту, в том числе, посредством как уголовно-правовых, так и административно-правовых норм.

Безусловно, цифровизации подвергаются и права участников гражданского, уголовного процессов: появилась возможность участия в судебных процессах дистанционно (в данном ключе возможно, например, нарушение принципа состязательности судебного процесса из-за невозможности доступа к самому процессу или подачи процессуальных документов в электронной форме по причине технических неполадок).

Заключение

Таким образом, на современном этапе в условиях стремительно развивающейся цифровизации возможности индивидуальных субъектов совершать определенные действия, требовать от других субъектов совершения действий или воздержания от определенных действий, а также необходимость защиты таких возможностей уже объективно сложились в цифровом пространстве. Эта новая цифровая реальность, с одной стороны, предполагает множество новых удобных инструментов для разнообразных действий субъектов права, с другой стороны, несёт в себе большое количество рисков, следовательно, требует детального доктринального анализа и обоснованного правового регулирования.

Библиография

1. Грачева С. А., Черемисинова М. Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав//Вестник МГПУ Серия: Юридические науки. - 2018. - № 4(32). - С. 56-70.
2. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски//Журнал «Правосудие». - 2019 -Т. 1 № 2. - С. 133-155.
3. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы// Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 9А. С. 282-287.
4. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права// Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 10А. С. 96-101.
5. Елагина А.С. Согласительные процедуры при распределении полномочий между федеральными и региональными уровнями власти: опыт США// Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 12А. С. 137-143.
6. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума//Российская газета. Столичный выпуск. - № 7578 (115). - № 2.
7. Курасов С.В. Становление концепции средового дизайна на специализированной кафедре мхпа им. С.г. Строганова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2015. № 3. С. 4-13.
8. Лекции по общей теории права/Коркунов Н. М. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 352 с. – (Антология мысли). – Текст: непосредственный.
9. Малько А. В. Субъективное право и законный интерес/Малько А. В.//Правоведение. -1998. - № 4. - С. 58 – 70.
10. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий: монография/под общ. ред. Минбалеева А. В. – Москва: Проспект, 2020. – 224 с.
11. Мусина Р. К проблеме современного бытования традиционного искусства// Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2018. № 2 (12). С. 102-111.
12. Смирнов О.А. Направление парадигмы развития интеллектуальной собственности: международный аспект// Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 8-1. С. 211-216.
13. Смирнов О.А. Эволюция института прав и предпочтений коренных народов США// Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 2В. С. 302-307.
14. Смирнов О.А., Ноздрин Н.А. Обеспечение прав законного владения граждан России: возможности и ограничения правоприменения// Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 11-1. С. 337-344.
15. Трансформация прав человека в современном мире: монография/отв. ред. Савенков А. Н. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2019. – 256 с.

Digital rights as elements of a person's legal status

Anastasiya I. Minaeva

Postgraduate student of the Department of Theory of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aw.minaeva@gmail.com

Anastasiya I. Minaeva

Abstract

This article is devoted to the influence of digitalization process on such a legal category as personal legal status. The author considers hereby the approaches towards concept of digital rights in Russian legislation and modern legal science, analyzes both private and public branches of law leading to discussion of personal digital rights and possible risks connected with their performance. The article also includes author's definition of digital rights concept. The paper shows that the rights of participants in civil and criminal proceedings are also being digitalized: it has become possible to participate in court proceedings remotely (in this way, for example, it is possible to violate the principle of adversarial proceedings due to the inability to access the process itself or submit procedural documents in electronic form due to technical problems).

For citation

Minaeva A.I. (2021) Tsifrovye prava kak elementy pravovogo statusa lichnosti [Digital rights as elements of a person's legal status]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (3A), pp. 69-77. DOI: 10.34670/AR.2021.81.43.035

Keywords

Digitalization, digital rights, personal legal status, human rights, digital technologies, subjects of law.

References

1. Gracheva S. A., Cheremisina M. E. Questions of constitutional provision of digital rights//Bulletin of the Moscow State Pedagogical University Series: Legal Sciences. - 2018. - № 4(32). - P. 56-70.
2. Gracheva Yu. V., Korobeev A. I., Malikov S. V., Chuchayev A. I. Digitalization and its criminal-legal risks//The magazine "Justice". - 2019-T. 1 No. 2. - p. 133-155
3. Elagina A. S. Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm// Questions of Russian and international law. 2018. Vol. 8. No. 9A. pp. 282-287.
4. Elagina A. S. Approaches to improving international criminal law// Questions of Russian and international law. 2018. Vol. 8. No. 10A. pp. 96-101.
5. Elagina A. S. Conciliatory procedures in the distribution of powers between the federal and regional levels of government: the experience of the United States. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2018. Vol. 8. No. 12A. pp. 137-143.
6. Zorkin V. D. Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum//*Rossiyskaya gazeta*. Capital issue. - № 7578 (115). - № 2.
7. Kurasov S. V. Formation of the concept of environmental design at the specialized Department of the Stroganov Moscow State Agricultural University // *Decorative art and the subject-spatial environment*. *Vestnik MGHPA*. 2015. No. 3. pp. 4-13.
8. Lectures on the general theory of law/Korkunov N. M.-Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 352 p. - (Anthology of Thought). - Text: direct.
9. Malko A.V. Subjective law and legitimate interest / Malko A.V. // *Pravovedenie*. -1998. - No. 4. - p. 58-70.
10. Mechanisms and models of regulation of digital technologies: monograph / under the general ed. Minbaleeva A.V.- Moscow: Prospekt, 2020 – - 224 p.
11. Musina R. On the problem of modern existence of traditional art// Bulletin of the RSUH. Series: Philosophy. Sociology. Art history. 2018. No. 2 (12). pp. 102-111.
12. Smirnov O. A. Direction of the paradigm of intellectual property development: an international aspect // *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2019. Vol. 9. No. 8-1. pp. 211-216.
13. Smirnov O. A. Evolution of the Institute of Rights and Preferences of indigenous Peoples of the USA/ / *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2018. Vol. 8. no. 2B. pp. 302-307.
14. Smirnov O. A., Nozdrina N. A. Ensuring the rights of legal ownership of Russian citizens: opportunities and limitations of law enforcement// *Questions of Russian and international law*. 2020. Vol. 10. No. 11-1. pp. 337-344.
15. Transformation of human rights in the modern world: monograph/ed. Savenkov A. N.-M.: Norma: INFRA-M, 2019 – 256 p.